

РОССИЯ и БОРЬБА ГРЕЦИИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

Г. Л. Арш

*от
Екатерины II
до
Николая I*

Очерки

Григорий Арш

**Россия и борьба Греции за
освобождение. От Екатерины
II до Николая I. Очерки**

«Индрик»

2013

УДК 94(495) "18/19"

Арш Г. Л.

Россия и борьба Греции за освобождение. От Екатерины II до Николая I. Очерки / Г. Л. Арш — «Индрик», 2013

В исследовании рассматриваются русско-греческие отношения последней трети XVIII – первой трети XIX в., связанные с историей борьбы Греции за освобождение. Некоторым из этих вопросов были посвящены ранее опубликованные статьи автора, однако здесь они воспроизведены в дополненном и измененном виде. Источниковой базой исследования являются российские архивные материалы, российская и иностранная литература, в том числе греческая. В приложении к работе публикуются некоторые документы по теме исследования.

УДК 94(495) "18/19"

© Арш Г. Л., 2013

© Индрик, 2013

Содержание

Предисловие	6
Российские эмиссары в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.	8
О Греческом проекте Екатерины II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Григорий Арш
Россия и борьба Греции за освобождение.
От Екатерины II до Николая I. Очерки

© Текст, Арш Г. Л., 2013

© Оформление, Издательство «Индрик», 2013

* * *

Посвящаю моей жене с любовью и благодарностью

Предисловие

Национально-освободительное восстание греков в 1821 г., вызванное им филэллинское движение, охватившее многие страны Европы и США, гибель Байрона в Греции, Наваринская битва, русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский мир – хрестоматийные события не только новогреческой, но и мировой истории.

Между тем, Греческая революция 1821–1829 гг. не сводится к этим событиям; она была заключительным этапом большого общественно-политического движения – национального Возрождения, начавшегося во 2-й половине XVIII в. и охватившего все сферы греческой жизни: политику, экономику, культуру. Движение это самым тесным образом было связано с Россией, чьи духовные и политические отношения с Грецией со времен средневековья были весьма тесными. Эти отношения, начиная с XVIII в., были предметом ряда моих книг и многих статей¹. Исследования мои в этой области продолжаются и по сей день. Некоторые из них, в дополненном и уточненном виде, включены в настоящий труд. Тематически и хронологически они охватывают период от правления Екатерины II, когда участие России в процессе национального возрождения Греции было преобладающим, до времен Николая I, когда позиции России в Греции, несмотря на ее большую роль в завоевании независимости этой страны, сильно ослабли. В труде отражены некоторые важные, с моей точки зрения, вопросы русско-греческих взаимоотношений и взаимодействия последней трети XVIII – первой трети XIX в.

Следует сказать, что этот период был по-настоящему звездным периодом в истории русско-греческих отношений. В результате Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. установились тесные связи России с политическими силами Греции. О некоторых важных аспектах этих отношений, возникших после и в результате Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., и пойдет речь в данном труде. Рассматривается учреждение в Греции широкой сети российских консульств. Большое внимание уделяется т. н. Греческому проекту Екатерины II, который обеспечил бы освобождение Греции в монархическом варианте. Поощренные филэллинской политикой Екатерины II греки в 1792 г. сами под руководством Ламброса Кацониса предприняли попытку освобождения своей страны. Важным следствием русско-турецких войн второй половины XVIII в. стала значительная греческая эмиграция в Россию и основание на побережье Черного моря цепи греческих колоний. Этот факт имел, в свою очередь, важные экономические и политические последствия, среди которых – основание в России в 1814 г. тайной греческой национально-освободительной организации Филики Этерия. В России нашли убежище и будущие видные руководители Греческой революции 1821–1829 гг. Александр Ипсиланти и Иоанн Каподистрия. Значительное внимание уделено и отношению России к Греческой революции, в частности, участию русского флота в Наваринской битве 1827 г. и последующим операциям эскадры П. И. Рикорда у побережья Греции.

Половина публикуемых очерков в той или иной мере относится к периоду правления Екатерины II. Следует сделать по этому поводу небольшое разъяснение. Эта бывшая немецкая принцесса правила в России как выразительница прежде всего интересов российского дворянства.

Она закрепостила многие тысячи крестьян, сослала в Сибирь А. Н. Радищева, писавшего о тяжелом положении крепостных. Кстати отметим, что этот непримиримый враг крепостничества был и врагом османского порабощения, о чем свидетельствует и публикуемый в приложении к данной книге перевод произведения «Желания греков к Европе христианской»,

---

¹ См.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970; *Idem*. Иоанн Каподистрия в России. М., 2003; Arš G., Svolopoulos C. *Alexandre Ipsilanti. Correspondance inédite (1816–1828)* Thessaloniki, 1999.

одним из авторов которой был Радищев². Следует заметить, что и сама Екатерина была убежденной сторонницей освобождения балканских христиан, в первую очередь греков, от османского ига. Правда, главной целью двух войн, которые она вела против Османской империи было не это освобождение, а выход к Черному морю, овладение плодородными землями Причерноморья. Хотя освобождения Греции добиться не удалось, но в рамках Османской империи Россия добила признания права покровительства грекам, а в рамках русского государства они получили большие льготы и привилегии, что способствовало успешному развитию их борьбы за освобождение.

Книга состоит из очерков, посвященных этим проблемам. При включении в труд конкретного очерка автор учитывал разработанность затронутой в нем проблемы в историографии³, возможность внести свой, хотя бы минимальный, вклад в научное изучение русско-греческих отношений в эпоху греческого национального Возрождения. На некоторые из возникших в этой связи вопросов можно было дать ответ только посредством привлечения материалов из различных архивов бывшего СССР и России. Ценнейший материал почти по всем исследуемым проблемам я нашел в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве. Это первоклассный и, как правило, мало использовавшийся ранее материал: консульские и посольские донесения, записки и сообщения неформальных агентов, обращения и петиции греческих общин, индивидуальных лиц и т. п. Если к этому добавить, что до 1821 г. дипломатические представители России и Греции были, по большей части, по национальности греками, то можно утверждать, что эти материалы представляют собой своего рода национальный архив Греции.

Над материалами АВПРИ я работаю больше полувека и всё это время неизменно получаю помощь и содействие от работников архива. Хочу особенно отметить помощь, оказанную в поиске необходимых материалов, со стороны В. И. Мазаева (которого, к сожалению, уже нет с нами) и С. Л. Туриловой. Хочу искренне поблагодарить и Ю. А. Пузырей, которая не только проделала огромную работу по компьютерному набору текста книги, но и произвела всю необходимую корректорскую правку. В заключение выражаю благодарность высококвалифицированному коллективу отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН за поддержку при подготовке труда, за высказанные пожелания и замечания. Особенно я благодарен Н. Г. Струниной за подготовку указателей к моей книге.

---

² См.: Приложение I.

³ С этой точки зрения я не счел необходимым затрагивать тему о роли России в истории Республики Семи Соединенных островов, первого греческого государства Нового времени, так как она разработана детально, с привлечением всех основных источников, в трудах А. М. Станиславской. См.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. М., 1976; *Idem.* Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1989. См. также: *Петрушина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 95–99.

Российские эмиссары в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.

18 февраля (1 марта) 1770 г. небольшая русская эскадра впервые появилась у берегов Греции, в порте Витуло (Итило), в области Мани. В период османского господства область эта фактически была неподвластна туркам, и маньяты встретили русских моряков с большой радостью. Они целый день палили из ружей и пистолетов и произвели салют русскому флагу из нескольких старых орудий. Прибытие русской эскадры стало сигналом к освободительному восстанию, охватившему вскоре всю Морею⁴ и распространившемуся и на другие области Греции. Восстание это, поддержанное русскими силами, потерпело поражение. Но вслед за ним последовала блестящая победа русского флота в Чесменской битве. Успешные операции русского флота в эгейских водах, естественно, получили гораздо большее освещение, чем предшествовавшие им неудачные операции греко-русских сил на земле Греции. Но операции эти достойны внимания не только как неотъемлемая часть Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., но и как важная страница в истории Греции.

В этой связи заслуживает специального рассмотрения вопрос о связях, установленных правительством России с политическими силами Греции накануне 1770 г. Нельзя сказать, что этот вопрос остался совершенно вне поля зрения исследователей. Большое внимание Архипелагской экспедиции уделил выдающийся русский историк С. М. Соловьев. В своем труде «История России с древнейших времен» он упоминает о миссии российских эмиссаров Г. Папазоли и М. Саро, посланных Г. Г. Орловым в Грецию в 1763 г. Называется здесь и некто И. И. Петушин, посланный Екатериной II в Грецию в 1769 г. для подготовки здесь анти-турецкого восстания⁵. Все историки, писавшие об Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., ограничивались в этом контексте повторением сведений, приведенных С. М. Соловьевым. Это относится и к работе академика Е. В. Тарле, впервые опубликованной в 1945 г. и до сих пор являвшейся наиболее авторитетным исследованием о дальнейшей экспедиции русского флота⁶. Между тем документы, обнаруженные недавно в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), позволяют дополнить и скорректировать имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции А. Г. Орлова. Важнейшим из этих новых документов является записка, представленная, по-видимому, в конце 1768 г. греком Иоанном Палатино первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н. И. Панину по его требованию.

Эта записка опубликована в приложении к недавно вышедшему капитальному труду об Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.⁷ Опираясь на этот и другие документы, авторы весьма основательно исследовали и деятельность российских эмиссаров в Греции по подготовке экспедиции. Ранее и нами была опубликована статья, где была использована указанная записка⁸. Однако тема эта требует дальнейшего исследования с привлечением дополнительных источников.

⁴ Это название, употреблявшееся до национального освобождения Греции, используется здесь как синоним названия «Пелопоннес».

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. в 18 кн. Кн. 14. Т. 27–28. М., 1994. С. 272, 291, 298.

⁶ Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 22.

⁷ Смелянская И. М., Велижев М. Б., Смелянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 38–55. Публикация записки Палатино: с. 483–494. Архивный текст записки: АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 216. 1776–1795. Д. 5644. Л. 105–114.

⁸ Арш Г. Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 годов // Новая и новейшая

Как уже говорилось, в 1763 г. фаворит Екатерины II генерал-фельдцейхмейстер (главнокомандующий артиллерией) Г. Г. Орлов послал в Грецию двух эмиссаров – греческого купца из Петербурга М. Саро и артиллерийского поручика Г. Папазоли. В своем отчете, представленном в мае 1765 г., Саро писал, что они были посланы в Грецию «к спартанскому народу». Здесь следует пояснить, что «спартанцами» с гордостью называли себя жители горной области Мани (Майна) на юге Пелопоннеса, расположенной недалеко от тех мест, где находилась древняя Спарта. Они, как писал Саро, «хотя и живут в турецком владении, но совсем им не покорны». Посланцы России должны были «пригласить их, дабы они в случае с турками войны были против их»⁹.

В конце 1763 г. Папазоли и Саро прибыли в Венецию. Папазоли решил найти здесь надежного человека, который помог бы им в осуществлении возложенной на них миссии. Он нашел его в лице греческого купца Иоанна Палатино, уроженца Кефаллинии – одного из греческих островов, подвластных тогда Венеции.

Предоставим теперь слово самому Палатино. В уже упоминавшейся его записке Панину он сообщил, что Папазоли предъявил ему грамоту, якобы за подписью Екатерины II, на греческом языке, обращенную к жителям горных краев Балкан – Мани, Химары и Черногории. В изложении Палатино в грамоте говорилось, что «Ея Императорское Величество, ревнуя о благочестии, желает стесняемый под игом варварским православной народ избавить, посылает от себя ево, Папазола, чтоб уверил о всевысочайшей к ним милости и покровительстве, а притом изведать бы о желании и состоянии сих народов». Высочайший манифест произвел на Палатино большое впечатление, и он решил оказать поддержку Папазоли в осуществлении его миссии, о чем русский эмиссар очень его просил. Палатино весьма эмоционально описывает принятое им решение и его мотивы: «Имевшие, хотя малое с греками обхождение, довольно ведают, с какою ревностию, усердием и любовью сей народ стремится к Всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатино, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которыя только можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно».

Опасности же Палатино и его новых товарищей ожидали немалые. В Средиземном море свирепствовали тогда пираты, и судно Палатино на пути в Грецию подверглось нападению двух триполитанских пиратских кораблей. По совету Палатино, Папазоли выбросил тогда в море все имевшиеся в него бумаги. Папазоли также попросил Палатино отдать ему свой австрийский паспорт, который обеспечил бы его безопасность. «Жалость и предстоящая гибель, в которую Папазол бы себя ввергнул, – вспоминал Палатино, – убедили исполнить плачевную его просьбу тем паче, что естли бы варвары дознались, что он – российский офицер и намерение поездки его открыли, произвело б не токмо великое смятение, но нанесло б неповинно, многим из его Палатино одноземцов, пагубу».

Отдав свой паспорт, Палатино совершил подлинно героический поступок: он таким образом спас жизнь Папазоли и Саро, представлявшемуся его слугой, и дал им возможность приступить к своей миссии. Сам же Палатино, сделавшись, по его словам, «пленником безчеловечных варваров, лишился всего до последней рубахи и, заключенный в оковы, увезен в Триполи»¹⁰.

Ксеромеро и другие горные области на западе Греции были одним из первых мест, которые посетили российские эмиссары. Здесь властью в значительной мере пользовалась, по выражению М. Саро, «старшая капитания»: Стафа, Буку ва ло, Макрипулио, Жудро. Российские эмиссары без труда нашли общий язык с этими предводителями клефтоарматолов, как они

история. М., 2010. № 6.

⁹ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10–11. Именно этот документ, с небольшими отклонениями от текста, и цитирует С. М. Соловьев.

¹⁰ Смелянская И. М., Велижев М. Б., Смелянская Е. Б. Указ. соч. С. 486–487.

называются в греческой историографии¹¹. «Оные, – как писал Саро, – никогда в подданстве турок по своему православию быть не хотят, и против их с великою радостью пойдут и к себе могут пригласить великое множество и других греков, тамо живущих».

Папазоли и Саро совместно посетили также и горный край Южной Албании – Химару. Отношения химариотов с турецкой властью были аналогичны отношениям с ней греческих горцев. «Турку они никогда не покорялись, – говорилось в записке Саро, – закону православного греческого, и они также против турка воевать в состоянии с немалою силою»¹².

О пребывании Папазоли в Химаре и в соседнем Эпире в 1764 г. имеется документальное свидетельство, принадлежащее Джике Бицилли. Этот представитель видной семьи Химары, капитан венецианской службы, пользовался большим влиянием в Южной Албании и Эпире, и Папазоли постарался завербовать его на российскую службу. Для этого, как позднее вспоминал сам Бицилли в прошении Екатерине II, российский эmissар излагал «некоторые из своих политических взглядов и поручения, касающиеся большого проекта диверсии против Оттоманской Порты. Среди различных имевшихся перспектив он умело рисовал идею распространения Святой Христианской религии, августейшее покровительство Вашего Императорского Величества и прекраснейшие ожидания постоянного благополучия для всякого, кто пошел бы за русским знаменем и взял бы в руки оружие, когда это будет необходимо»¹³.

После завершения своей миссии на западе Балкан Папазоли вернулся в Венецию, Саро же направился в Мани, важнейшую цель поездки российских эmissаров, с задачей подготовить здесь восстание в случае войны России с Турцией. Задача эта затруднялась тем, что у Саро отсутствовали какие-либо документы, подтверждающие его статус, так как, напомним, они были выброшены в море – во время захвата корабля, на котором плыли российские эmissары, триполитанскими пиратами.

Тем не менее, как утверждает Саро, ему удалось собрать наиболее видных капитанов Мани на «великое собрание», и те заверили его, что «они против турок, яко православной христианской вере неприятелей, с немалою силою стоять рады». Он сообщает существенную деталь: во встрече принял участие и крупнейший землевладелец Пелопоннеса, важная политическая фигура, Панайотис Бенакис. По словам Саро, «в том собрании один грек Бинакий, весьма богатый и почтенный дворянин, так собьсялся, что он и самих подданных туркам греков лакедемонов¹⁴, всех против турок подымет; только б были под покровительством Всемилостивейшей Государыни».

В конце 1764 г. М. Саро покинул Мани и в мае 1765 г. вернулся в Петербург. Тогда же он представил и свой отчет, ставший для нас одним из двух главных источников для освещения миссии Папазоли – Саро. В заключении отчета было высказано важное предположение о том, как можно поднять греков на восстание против Оттоманской Порты.

«По моему усердию, смею представить и о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок десять российских военных кораблей, и на них нагрузить и пушек довольно число. Где, коль скоро бы завидели греки толь великое множество, сообщались с российскими греческия немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй»¹⁵. Любопытно, что предложение М. Саро стало как бы сценарием предпринятой через четыре года Архипелагской экспедиции.

---

¹¹ Арматоли и клефты – вооруженные греческие отряды, существовавшие при турецком господстве.

¹² РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10.

¹³ АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. 1779. Д. «В»-119. Л. 2.

¹⁴ Речь идет здесь о жителях юго-восточной части Пелопоннеса.

¹⁵ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10–11.

Вернемся теперь к записке Палатино – наиболее достоверному, с нашей точки зрения, рассказу о деятельности российских эмиссаров в Пелопоннесе в 1764–1765 гг. Этот добровольный агент России, пройдя через мытарства плена в логове триполитанских пиратов, был через три месяца выкуплен своими земляками и вернулся в Венецию. Здесь он снова встретился с Папазоли, и тот попросил его отправиться в Мани, так как, по утверждению Палатино, он не был уверен, что Саро справится со своей миссией. Палатино принял это предложение и начал тщательно готовиться к поездке в далекий и беспокойный греческий край. По его собственным словам, зная, «какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи», он предпринял все меры для того, чтобы скрыть подлинные цели своей поездки. В Венеции он, накупив различных товаров, отправился с ними (по-видимому, в конце 1764 г.) в Морею и распродавал их в различных городах. Здесь он сумел подружиться с некоторыми знатными турками, заверив их, что направляется в Мани для закупки шелка и оливкового масла. Один из этих турок, воевода Каламаты (Каламе) Мемисиага, дал ему для охраны четырех турок, а также письмо к видному капитану Мани Г. Мавромихалису, которого он назвал своим «другом и приятелем».

Как далее повествует Палатино, по прибытии в Мани и после того, как были отправлены обратно сопровождавшие его турки, «повел он капитана Мавромихайла в церковь и, обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего, которой при ответствовании похвалял его поступок и поведение...». В то же время Мавромихалис, «старший из тамошних капитанов», как называет его Палатино, сетовал на конфликты между капитанами Мани, что мешало дать согласованный ответ правительству России. Тогда этот добровольный российский эмиссар решил во что бы то ни стало восстановить согласие между видными маньятами¹⁶.

«Достигнув сего с великим трудом, – писал Палатино, – открыл в собрании тамошних начальников или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал. Что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они, по единоверию и отличной к Ея Императорскому Величеству ревности, готовы жертвовать кровию и животом для славы Ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко всероссийскому императорскому двору для принесения всеподданнического повинования и преданности».

Как видно из свидетельства, данного Палатино митрополитом Монеувасийским и Каламатским Анфимом, тот находился в Каламате и в Мани по крайней мере с августа 1764 по январь 1765 г. Затем Палатино перебрался в местечко вблизи Мани, где намеревался ждать прибытия оттуда делегации, которая должна была отправиться в Россию. Но вскоре его известили, что маньяты отложили посылку своих представителей, по крайней мере до того момента, когда умолкнут распространившиеся по всей Морее толки о том, что Мани приняла подданство Российской империи. Возможно, что подлинной причиной отказа маньятов от посылки делегации было желание подождать до того момента, пока прояснятся намерения самой России. После этого Палатино вернулся в Венецию и сообщил Папазоли о решении маньятов. Тот же, по утверждению Палатино, предложил ему самому поехать в Россию вместе с некоторыми другими лицами под видом представителей Мани и даже дал ему подложные письма якобы от имени жителей этой горской общины к руководству России, где говорилось, что «все общество Мании предаст себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные».

Однако Палатино, по его словам, не захотел участвовать в этом обмане и, прибыв в Петербург в 1766 г., передал сочиненные артиллерийским поручиком письма маньятов статс-секретарю Екатерины II А. В. Олсуфьеву. Но, судя по всему, в Петербурге не стали разбираться с

---

¹⁶ В терминологии того времени также: майноты, маниоты.

обвинениями своего добровольного эмиссара. Здесь считали (и считали правильно), что надо использовать энергию, знания, энтузиазм всех греков – добровольных помощников России¹⁷.

Одним из важных результатов поездки Палатино в Мани было то, что видные люди этого полунезависимого горного края начали устанавливать прямые контакты с руководством России. Контакты эти были очень непростыми, и не только из-за сложности сообщений того времени. Необходимость сохранять строжайшую тайну при сношениях петербургского двора с греческими подданными султана привела к тому, что документы эти либо не сохранились, либо их подлинность вызывает сомнение. Но в данном случае мы будем говорить о документе, подлинность которого каких-либо сомнений не вызывает. Речь идет о письме Георгиоса Мавромихалиса Екатерине II от 26 декабря 1765 г. (6 января 1766 г.), русский перевод которого, современный оригиналу, сохранился в архиве¹⁸.

Как сообщалось в письме, «прошлого года приехали сюда два ваши человека, имянуемые из которых один Джиован, а другой Манолаки, и нам сказали, что они присланы от Вашего Самодержавства и что они имели к нам писма, токмо на дороге пойманы были морскими разбойниками и ограблены и, что они при себе не имели, все то у них взято, как письма и все прочее». Таким образом, в письме Мавромихалиса мы находим полное подтверждение рассказа И. Палатино о его миссии¹⁹. Маниотский капитан обращался к императрице с просьбой о помощи в освобождении греков от чужеземного ига: «Да поможет нам Бог, а потом и Вашего Самодержавства помощь ко избавлению христиан из рук антихристовых, которой не престаёт оных мучить». Со своей стороны Мавромихалис утверждал, что при определенной помощи Мани может стать важной базой освободительной борьбы: «Отечество наше само собою крепкое местоположением своим, и собрать можно в нем войска до пятидесяти тысяч, лишь только то трудно, что за турецкою границею, и ни от кого никакой помощи мы не имеем; того ради мы с турками в миру находимся». Помощь Мавромихалису со стороны России была обещана, но значительно позже – уже после начала русско-турецкой войны.

Обратимся снова к записке Палатино. В ней, по его собственным словам, он приводил данные «о состоянии греческих народов, знаменитых пред прочими тамо храбростию и частыми с турками сражением». На первом месте здесь стоит горная область Пелопоннеса – Мани:

«Майна есть область южной части Мореи или Пелопоннеса, коея жителей называют маниатами. Они остаток славнаго в древние времена лакедонского народа, и имеют у себя форму правления республиканскую. Военная их сила, хотя не более четырнадцати тысяч вооруженных людей, однако турки и поднесь покорить их не могли. Они дани им не платят, имея притом с Малтою великую дружбу. Владение их окружается по большей части горами и морем, где имеют разныя пристанища»²⁰.

Другим важным очагом антитурецкой борьбы Палатино считал горную область, расположенную между Эпиром и Фессалией. В этой области, как уже говорилось, побывали ранее Саро и Папазоли. И Саро в записке о своей миссии назвал некоторых видных местных капитанов, и в их числе Букуваласа. Палатино же выделил его как наиболее авторитетного военного предводителя Западной Греции. По его словам, в названной области «жительствоет Ян Букувал и называется у тамошних народов главной арматол, а иногда старший капитан, имея в ведомстве своем других подчиненных ему капитанов... из коих каждой имеет на своем содержании до пяти сот вооруженных людей, а в нужном случае могут все великое число войска поставить.

---

¹⁷ Смелянская И. М., Велижнев М. Б., Смелянская Е. Б. Указ. соч. С. 486–487.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. Оп. 89/8. 1765. Д. 89. Л. 1–3. Ветхий оригинал документа не сохранился.

¹⁹ Под «Джиованом» здесь имеется в виду Палатино, а под «Манолаки» – Манолис Саро. Вероятно, что именно Палатино доставил это письмо в Петербург.

²⁰ К своей записке Палатино приложил отдельную записку о Мани, автором которой был маньят, капитан Н. Мунгакис. См.: История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С. 434–435.

Сей Букувал, по всегдашним с турками и арнаутами сражениям, во всей Греции славен и у тамошних христиан великую любовь и доверенность имеет, которых защищает он от налогов и хищений, чинимых им турками и арнаутами, и содержит их в страхе».

Для организации освободительного восстания в Греции требовалось объединить все силы, боровшиеся против османского господства, и Палатино выражал готовность взять на себя «сию комиссию». По его словам, «он за веру и любовь ко своему отечеству не токмо всеохотно оную примет, но и жизнь свою [готов] не щадить, принести в жертву».

В случае если ему доверят эту миссию, Палатино обещал действовать оперативно: минуя Вену, Триест и Ливорно, отправиться сразу на остров Корфу и оттуда – в места вооруженного антитурецкого сопротивления: в Химару, в Западную Грецию, к Букуваласу и в Мани. В записке Палатино содержались и некоторые практические шаги для установления контактов с видными людьми Греции. В частности, он просил, чтобы ему «для тамошних архиереев и светских начальников дана пригласительная ко принятию оружия грамота», а также необходимое число манифестов об объявлении Россией войны Турции на греческом языке. «Для большего ободрения» видных духовных и светских лиц Палатино предлагал провести раздачу духовным персонам по одной панагии, а светским начальникам – по одной медали для ношения на груди с портретом Екатерины II. Важным условием для того, чтобы побудить греков поднять восстание против власти поработителей, должна была быть их уверенность, «что Россия никогда от них не отступит, ниже мирится с турками впредь осуждения их не станет».

Как и Саро, Палатино считал, что для обеспечения антитурецкого восстания в Греции было бы важно, «чтобы Россия отправила корабельную эскадру с военным снарядом» в Коринфский залив и создала здесь базу для сообщения не только с греками, но и со славянскими народами.

В это время шла уже русско-турецкая война, и в правящих кругах России обсуждался план экспедиции в Средиземное море. Поэтому предложения Палатино должны были привлечь большое внимание. К этому добровольному агенту России в Петербурге отнеслись весьма доброжелательно. Он пробыл в столице России более двух лет и встречался здесь с высокопоставленными лицами: генерал-фельдцейхмейстером Г. Г. Орловым, первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел Н. И. Паниным, статс-секретарем Екатерины II А. В. Олсуфьевым. От последнего, в компенсацию понесенных им расходов в ходе своей предыдущей миссии, он получил 200 червонных²¹.

С 1766 г. Палатино находился в Петербурге; но российские эмиссары продолжали действовать в Греции. По-видимому, в начале этого года ее снова посетил Папазоли²². На сей раз он побывал и в Мани. В беседах с весьма влиятельным капитаном Георгиосом Мавромихалисом и его братом Иоаннисом он убедился в их скептическом отношении к перспективе восстания в Пелопоннесе в связи с планами России. По их мнению, маньяты могли бы успешно вести оборонительную войну, но плохо приспособлены для наступательных действий. О боевых же качествах своих соотечественников предводители маньятов были весьма низкого мнения. Они считали, что на остальных греков русские рассчитывать не должны, так как они привыкли дрожать и бежать при первых угрозах со стороны турок.

В то же время весьма влиятельный в Пелопоннесе крупный землевладелец Панайотис Бенакис проявил полную готовность помогать русским в случае их появления на полуострове. На собранном им совещании в его резиденции в Каламате (Каламе) с участием видных светских и духовных лиц было принято обязательство поднять на восстание 100 тыс. греков, как только они получают оружие и русские корабли появятся в виду греческого побережья. Моти-

---

²¹ Смелянская И. М., Велижев М. Б., Смелянская Е. Б. Указ. соч. С. 490–493.

²² Единственным источником сведений о миссии Папазоли в Грецию в 1766 г. является работа французского дипломата и публициста К. Рюльера. См.: *Rulhière C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république*. P., 1807. Т. 3. P. 350–355. К сожалению, не имеется возможности проверить достоверность этих сведений.

вом действий Бенакиса в данном случае было, по мнению К. Рюльера, его желание стать правителем Пелопоннеса под протекцией Екатерины II.

Важные сведения о положении в Греции в канун русско-турецкой войны содержались и в записке В. С. Томары, представленной руководству российского внешнеполитического ведомства им самим. Миссия его отличалась от миссий других российских эмиссаров. Томара, ставший впоследствии крупным чиновником, в 60-е гг. XVIII в. учился в Италии, в 1767 г. поступил на военную службу, а в 1769 г. перевелся в Коллегию иностранных дел и в должности переводчика был командирован в Венецию.

Еще до поступления на императорскую службу Томара совершил поездку (или поездки) в Грецию. Свою «Записку о греках» он подал Н. И. Панину 21 декабря 1768 г. (1 января 1769 г.), уже после начала русско-турецкой войны. Записке предшествует такое авторское предисловие: «В случае, если Ее Императорское Величество захочет поднять греков на восстание, я считаю своим долгом сообщить те сведения, которые я получил во время своих путешествий и в результате моих доверительных отношений с людьми из Греции как духовными, так и светскими. Они позволяют мне, как я надеюсь, также дать правильное представление о стране, где можно было бы поднять восстание с большим успехом»²³.

Наибольшее внимание здесь уделено Пелопоннесу как арене будущего антитурецкого восстания. Здесь главными носителями вооруженного сопротивления завоевателям, как признавали все наблюдатели, были горцы Мани. Сам Томара писал, что Мани населена «народом диким и суеверным до крайности. Этот народ не только сохранил свою древнюю свободу, но вместе с другими греками, остающимися под господством или скорее под тиранией турок, ведет с ними войну и ведет ее с таким преимуществом, с каким такая маленькая нация может вести ее с такой державой, как Порты».

Далее в записке повторялись сведения, во многом совпадавшие с теми, которые ранее российскому руководству сообщил об этой вольной и труднодоступной области Пелопоннеса И. Палатино. Томара подтвердил, что Мани в то время делилась на пять округов, каждый из которых управлялся капитаном. Все вместе они могли выставить до пятнадцати тысяч вооруженных людей. Автор приводил интересные сведения об одном из капитанов, точнее говоря, об одной капитанше. Среди капитанов, писал он, «имеется женщина по имени Димитрия или Димитракина, которая не уступает по храбрости самым храбрым среди них. Не имеется какого-либо важного дела, где бы она не оказалась во главе своих, которых она умеет заставить любить и уважать себя». Помимо присутствия в Мани большого числа вооруженных людей, возможным плацдармом антитурецкого восстания в Греции ее делало наличие здесь трех морских портов, неподконтрольных Порте.

В записке Томары содержались сведения и о Пелопоннесе в целом: о населении полуострова, о его городах и крепостях и их гарнизонах. В этом отношении из записки создавалось впечатление о слабости существовавшей здесь оборонительной системы: почти везде крепости находились в руинах и состоявшие из янычар гарнизоны были незначительными. Однако ход военных операций русско-греческих сил в Пелопоннесе в 1770 г. показал, что оборонительный потенциал турок в этой области был в записке явно занижен.

Касаясь перспектив антитурецкого восстания в Греции в период начавшейся уже русско-турецкой войны, Томара оценивал их весьма оптимистически. Он приводил в доказательство тесные духовные связи, соединявшие греков с Россией: «Всему миру известно их [греков. – Г. А.] крайнее рвение к религии, их любовь к свободе, их непримиримая ненависть к их тиранам, их чувства к нашему отечеству... Они твердо верят в то, что пророчество, столь

---

²³ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1711–1797. Д. 5630. Л. 104–110. Basile de Tamara. Mémoire sur les Grecs.

распространившееся и среди турок, и среди греков о разрушении Оттоманской империи русскими, сможет исполниться только при царствовании Екатерины Второй».

Но, как и Палатино, Томара считал, что для того чтобы поднять греков на восстание, им необходимо предоставить определенные гарантии. По его словам, «несмотря на все это благоприятное расположение, никогда не удастся побудить эти народы взяться за оружие без торжественного обещания со стороны России не заключать мира до того, пока враги христианского имени не будут полностью изгнаны из Европы».

Важным условием организации в Греции освободительного восстания Томара полагал также доставку в страну «оружия, в котором нуждается греческая нация». Для этого он считал необходимым использовать ежегодно происходившую весной в Сенигалии, в папских владениях на Адриатическом море, ярмарку.

Папазоли, Саро, Палатино, Томара были не единственными российскими эмиссарами, посетившими Грецию накануне восстания 1770 г. Были и другие эмиссары, сведения о пребывании которых в Греции не столь определенные.

Так, в последние годы XVIII в. в Морее еще ходила молва о некоем Хаджи Мурате, посетившем этот край в 1767 г. – якобы он путешествовал в костюме муллы и говорил по-турецки. Увидев, что греки тяготятся турецким игом и желают его сбросить, он установил контакт с Панайотисом Бенакисом и через него – с наиболее влиятельными епископами и землевладельцами. Они заверили его, что если императрица пошлет к полуострову русскую эскадру с оружием, которое у греков отсутствует, то она найдет здесь 50–60 тыс. человек, которые, встав под командование русских офицеров, без труда овладеют Морей и ее крепостями. После этого Хаджи Мурат вернулся в Россию и оттуда сообщил вождям греков, что он убедил императрицу осуществить это вторжение. Рассказ этот приводит французский путешественник А. Кастеллан, ссылающийся в свою очередь на Бремона, французского генерального консула в Корони, долгое время служившего в Морее²⁴. Проверить этот рассказ по русским источникам не удалось.

Деятельность российских эмиссаров позволила выявить слабые пункты османского господства на Балканах, в частности, в Греции. В то же время сообщения этих эмиссаров, как правило – греков, руководствовавшихся благими соображениями, создавали преувеличенное представление о силе народного сопротивления иноземным поработителям, что отрицательно сказалось на подготовке Архипелагской экспедиции российского флота.

В сентябре 1768 г. Порты объявила войну России, и вскоре Екатерина II приняла решение о походе Балтийского флота в Средиземное море. Ее военная цель состояла, по выражению царицы, в «учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции»²⁵.

Это была главная цель этой смелой операции. Неожиданный удар в мягкое подбрюшье Османской империи в сочетании с решительными действиями русской армии на Дунайском театре войны должен был поставить Порту на колени и принудить к миру.

Несомненно, что замысел средиземноморской экспедиции был связан и с балканской политикой России. У Екатерины II тогда еще не было каких-либо планов политического переустройства Балкан в результате их освобождения от османского ига. Сама же идея освобождения присутствует в обращениях царицы к грекам и другим балканским народам уже с начала русско-турецкой войны. Так, в царском манифесте от 19 (30) января 1769 г. говорилось: «Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость,

---

²⁴ *Castellan A. Lettres sur la Morée. P., 1820. Т. 3. P. 216–217.*

²⁵ *Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 358.*

для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»²⁶.

В грамоте же Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. уточнялось, какого «подвига» она ожидает от «благочестивых греческих и славенских народов»: «Ударяйте уже на общего нашего врага согласными сердцами и совокупными силами, – призывала императрица, – продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самого Константинополя... Изжените оттуда остатки агарян со всем их злочестьем и возобновите православие в сем ему посвященном граде!.. Настал к тому час удобный, ибо вся громада неверных будет в удалении в нашей стороне и там совершенно упражняема дарованными нам от Бога силами. Кроме того, что число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага несравненно везде превосходит число неверных и что они, без сомнения, с охотою и радостию к подвигу вашему приобщаясь, силы ваши собою и имуществом своим гораздо умножать будут, обещаем мы вам всем всякое от нас по дальности мест возможное подкрепление и вспомоществование...»²⁷.

18 (29) июля 1769 г. эскадра вице-адмирала Г. А. Спиридова вышла из Кронштадта и взяла курс к далеким берегам Греции. Руководство средиземноморской экспедицией Екатерина II поручила генерал-поручику графу А. Г. Орлову. Пока эскадра медленно шла своим долгим и сложным путем вокруг Европы, Орлов, находившийся с осени 1768 г. в Италии, использовал свое пребывание вблизи Греции для установления контактов с горцами Мани. Подробности этих контактов нам известны из письма А. Г. Орлова капитанам Мани от 8 (19) ноября 1769 г.²⁸

Из письма явствует, что российского генерала в Пизе, где он тогда находился, посетили Стефанос Мавромихалис, племянник главы могущественной семьи Мани Георгиоса Мавромихалиса, и А. Адамопулос, венецианский грек, выполнявший посреднические функции в сношениях между властями России и вождями Греции. Орлов писал, что из писем капитанов Мани он удостоверился в том рвении, с которым они готовы служить «великой нашей императрице и вашей собственной родине». Он также извещал своих греческих партнеров, что вскоре сам прибудет к ним «вместе с большой помощью». Руководитель готовившейся в Греции военной компании просил к его приезду осуществить необходимые приготовления. Они включали в себя подготовку людей к скорому сбору, подготовку помещений для русского войска и местных добровольцев, заготовку для войск пшеницы и другого провианта, сбор как можно большего количества лошадей, ослов и мулов.

Предложенный Орловым план подготовки к военным действиям включал в себя оригинальный и совершенно непонятный для современного читателя пункт. Русский генерал предлагал маньятам найти способ внедрить в турецкие крепости на юге Мореи по 20 человек, якобы для работы, и чтобы каждый принес с собой два-три гвоздя. «Когда время придет, – продолжал Орлов, – им будет дано знать, куда их употребить»²⁹.

Во время своего пребывания в Италии накануне Архипелагской экспедиции, А. Г. Орлов установил связи и с другим влиятельным лицом Пелопоннеса – Панайотисом Бенакисом. Его

²⁶ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1866. Т. 1. С. 106.

²⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 292.

²⁸ Опубликованы две копии этого письма: греческая и русская, извлеченные из семейных бумаг семьи Мавромихалисов в Греции и России. Существенная разница между копиями состоит в их адресовке: если в греческом варианте адресатом письма были «честные и благородные капитаны всей Мани», то в русском варианте оно было адресовано Г. Мавромихали. См.: Κουρέα Σ. Συμβολα εις την ιστορίαν της υπό τούς Ορλώφ Πελοποννησιακής ελευαστάσεως (1770) // Η Πελοποννησιακ. Αθήνα, 1956. Τ. 1. Σ. 55–59; Сафонов С. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 207.

²⁹ По мнению греческого историка С. Ку геаса, речь здесь шла о применявшемся в XVIII в. способе выведения из строя пушек путем забивания гвоздя в маленькое отверстие пушки, из которого выходит фитиль для зажигания ее заряда. См.: Κουρέα Σ. Ο. π. Σ. 59.

сын Либерал Бенаки, поступивший после поражения Пелопоннесского восстания на российскую службу, свидетельствует:

«В 1768 году, когда Российская империя находилась в войне с Оттоманской Портою, его отец Панайоти Бенаки, бывший первый примат в Морее и имея там великую власть, приглашен был начальниками российского флота способствовать в пользу православной державы; и так как вера руководствовала правилами покойника³⁰, то он и склонился с великим усердием вместе со своими соотечественниками, предавшимися и принявшими оружие под начальствами помянутых начальников, которые в 1770 году пристали в Морею»³¹. К сожалению, подробности этих контактов, предваривших совместные русско-греческие операции в Пелопоннесе, неизвестны.

Важным элементом подготовки похода русского флота в Средиземное море была отправка в балканские страны специальных эмиссаров для установления прямых контактов с теми силами, которые боролись против османской власти.

29 января (9 февраля) 1769 г. Екатерина II написала рескрипт на имя А. Г. Орлова, предполагаемого руководителя средиземноморской экспедиции. Согласно этому рескрипту, в Грецию направлялся «к начальникам, тамошнему Буковалу и маинскому Мавро-Михайле, венецианский грек Иван Иванов, сын Петушин. Он избран в сию посылку по неоднократной его в той стороне бывалости, а особливо потому, что он пред несколькими годами привез ко двору нашему от сих начальников письма, в коих они и тогда уже представляли готовность свою к услугам Империи нашей. С сих писем следуют здесь переводы, вместе с копиею посланного ныне к Буковалу и Мавро-Михайле от имени нашего действительного тайного советника графа Панина. Упомянутые от него знаки состоят в двух золотых медалях. На проезд дано Петушину двести червонных»³².

В упоминаемом здесь письме Н. И. Панина Г. Мавромихалису от 22 января (2 февраля) 1769 г.³³ говорилось, что война России с Турцией «представляет удобнейший случай всем православным народам Эллады оказать великие услуги церкви Христовой, а с тем вместе, с одной стороны, заслужить и приобрести наивысшая милости, могущественную защиту и покровительство Ея Императорского Величества, а с другой, освободить себя навсегда от ига порабощения; и что братское и христианское соединение всех вообще храбрых и мужественных единоземцев их и совокупное возстание для преследования врага вне и внутри его пределов обещает верный успех».

В заключение в письме сообщалось, что доставит его Мавромихалису нарочный. Очевидно, речь шла о том самом «венецианском греке Иване Иванове, сыне Петушине», о котором упоминала в своем рескрипте Екатерина II. Об этом «венецианском греке» «с таким чисто русским именем и фамилией», по замечанию Е. В. Тарле, сведения весьма скупы.

До рескрипта Екатерины II 1769 г. мы нашли упоминание о нем лишь в одном документе 1766 г., обнаруженном в делах Коллегии иностранных дел. Документ имеет заголовок: «Грек Иван Иванов сын Петушин в 1766 году приехал сюда с некоторыми секретными письмами, откуда и от ково, и что в то время с ним сделано». Из этого дела явствует, что каких-либо данных о том, откуда и от кого и с какими секретными письмами приехал в Петербург Петушин, в Коллегии иностранных дел не получили, а известно о нем стало потому, что Н. И. Панин приказал выдать ему паспорт для выезда за границу, что и было сделано 22 августа (2 сентября) 1766 г.³⁴ Возможно, что в указанных документах под видом «Петушина» фигурирует Палатино.

---

³⁰ Панайотис Бенакис умер, предположительно, в 1771 г.

³¹ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1797–1798. Д. 1685. Л. 19.

³² Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 4–5.

³³ См.: Сафонов С. Указ. соч. С. 206.

³⁴ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1737–1773. Д. 5643. Л. 175.

18 февраля (1 марта) 1770 г. к порту Витуло (Итило) в Мани подошла российская эскадра под командованием Г. А. Спиридова. После семимесячного похода вокруг Европы из 15 кораблей, вышедших из Кронштадта, до берегов Греции дошло пять, в том числе три линейных корабля, на борту которых находилось в общей сложности около 2 тыс. 500 человек. Остальные корабли были повреждены или отстали³⁵.

Появление русских сил в водах, а затем и на суше Греции стало здесь сигналом к освободительному восстанию. Началась та эпоха греческой истории (1770–1774 гг.), которая в современной греческой историографии получила название «орловщина» (Ορλωφικά). Полное освещение этой темы выходит за рамки данного очерка. Мы лишь кратко коснемся хода событий в Пелопоннесе и их последствий для судеб Греции³⁶.

Неизвестно, смогли ли маньяты провести те подготовительные мероприятия к прибытию русского флота, о которых просил их А. Г. Орлов. Но есть сведения, что определенные приготовления в Море к прибытию русских кораблей все же проводились.

Так, в записках одного из командиров русской эскадры говорится о некоем Заиме [представитель богатой землевладельческой семьи Пелопоннеса. – Г. А.], «приготовившем собственными средствами огромные запасы сухарей и другой провизии, так что этого было достаточно для продовольствования всей экспедиции в продолжении нескольких месяцев»³⁷.

В Петербурге же, еще до прибытия российской эскадры в Грецию, было получено известие, что жители Пелопоннеса готовы, в случае поддержки со стороны России, подняться на восстание против османского ига. Эта готовность была выражена в обращении военных предводителей Пелопоннеса к Екатерине II от 6 (17) января 1769 г. Среди подписавших это обращение были Г. Мавромихалис и другие капитаны Мани³⁸.

Маньяты, как уже говорилось, встретили появление российской эскадры, несмотря на ее малочисленность, с большим энтузиазмом. Из греческих добровольцев были сформированы два легиона: западный и восточный. Правда, количество их было значительно меньшим, чем предполагали российские эмиссары, а малочисленность русских солдат, высадившихся в Греции, вызвала разочарование у греков: западный легион, которым командовал майор князь П. В. Долгоруков, состоял из 200 греков и 12 русских солдат, а восточный, под командованием капитана Баркова, – из 1200 греков и 20 русских. В формировании их активное участие принял Панайотис Бенакис. Несмотря на малочисленность греко-русских сил, в марте 1770 г. они смогли освободить почти весь юг Пелопоннеса, а 10 (21) апреля 1770 г. объединенным силам западного легиона и морского отряда под командованием бригадира И. А. Ганнибала, деда А. С. Пушкина, удалось овладеть крепостью Наварин. Начавшись в Пелопоннесе, восстание вскоре распространилось и на области материковой Греции: Акарнанию, Эпир, Фессалию, Аттику и докатилось до отдаленного острова Крит³⁹.

Однако с конца марта ситуация для объединенных греко-русских сил в Пелопоннесе осложнилась. Порта ввела для подавления восстания значительный корпус, набранный из албанцев-мусульман, считавшихся лучшими солдатами Османской империи. По некоторым данным, их численность составляла 15 тыс. человек. Между тем боеспособность сражавшихся против них сил падала: ее подрывала слабая боевая подготовка повстанцев, недисциплиниро-

³⁵ Головачев В. Ф. Чесма: экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.: Л., 1944. С. 14, 28.

³⁶ О совместных с греческими повстанцами операциях русских сил в Пелопоннесе см.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 359–362; Тарле Е. В. Указ соч. С. 34–39.

³⁷ Собственноручный журнал капитан-командира (впоследствии адмирала) С. К. Грейга // Морской сборник. СПб., 1849. Т. II. № 10. С. 655.

³⁸ См.: Копия прошения греческого народа к императрице Екатерине II от 6 января 1769 года // РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 284–286. Оригинал документа на лат. яз. вместе с переводом хранится в: АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1769. Д. 91. Л. 1–6.

³⁹ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1975. Τ. 11. Σ. 64–76.

ванность маньятов, составлявших их большую часть, и их склонность к эксцессам. Маньяты не только убивали сдававшихся на капитуляцию турецких солдат, но и устраивали резню женщин и детей. В результате гарнизоны турецких крепостей в Пелопоннесе стали упорно сопротивляться. Потерпев неудачу при осаде турецких крепостей Модона (Метони) и Корона (Корони), что создало угрозу для базы русского флота в Наварине, А. Г. Орлов решил покинуть греческий полуостров. 26 мая (7 июня) 1770 г. русские силы, предварительно взорвав крепостные сооружения Наварина, покинули его. Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Эскадра Г. А. Спиридова, соединившись с вновь прибывшей эскадрой Дж. Эльфинстона, настигла турецкий флот в проливе между островом Хиос и малоазиатским побережьем, и в ожесточенной битве 24–26 июня (5–7 июля) полностью уничтожила его. После этого русский флот установил свое господство в Архипелаге, ставшем базой его операций в Восточном Средиземноморье.

Вину же за неудачу своей сухопутной операции в Морее А. Г. Орлов целиком возлагал на греков. В частности, в 1772 г. он писал Н. И. Панину: «робость и неверность греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все силы наши на действия морския»⁴⁰. Однако авторитетные российские историки критически отнеслись к такому объяснению А. Г. Орловым причины неудачи его действий в Морее. С. М. Соловьев отвергает прозвучавшее из уст графа обвинение греков в трусости: «Греки, с которыми имел дело Орлов, не были трусами, но при условиях своего быта они не были способны к наступательному движению, к битвам в чистом поле; они были храбры, неодолимы в войне оборонительной, при защите искусственных или природных укреплений»⁴¹.

Есть немало фактов, опровергающих огульные обвинения А. Г. Орлова в адрес греков. Так, стоит здесь привести характеристику, которую дал И. А. Ганнибал поведению модонского епископа Анфимоса Каракаллоса при штурме Наварина:

«Во время начальства моего под городом Наварином, где застав одного епископа с немалым числом военных и прочих усердствующих греков, я большую помощь получил; и по справедливости скажу, что он оказывал беспримерное и несомнительное усердие и доброжелательство к поспешествованию побед оружия Ея Величества. Он не только уговаривал своих иноземцев словами, но и в труднейших случаях, не уважая сан свой и семидесятилетнюю старость, примером собственным к тяжчайшим трудам поощрения делал, и находился во все время приступа сего города безотлучно на ботареи, подверженной сильнейшему огню неприятельскому»⁴².

Пелопоннесцы продолжали сражаться и после ухода русских сил с полуострова. Более того, успехи русских на море породили в Пелопоннесе надежду на возобновление восстания при поддержке русской армии. Об этом сообщил Либерал Бенаки, сын одного из руководителей Пелопоннесского восстания Панайотиса Бенакиса, впоследствии ставший российским дипломатом. В его автобиографической записке, представленной в 1797 г. в Коллегию иностранных дел, говорилось: «В 1770 году он командовал 12000 майнотов, когда турки после баталии при Модоне засели в Каламате, несколько дней кряду имели с ними сшибки, пока отец его приказал ему оставить город и удалиться в Майну, где должно было укрепиться до возвращения флота, оставившего Мореею для преследования неприятеля». Сам же Панайотис Бенакис отправился на встречу с А. Г. Орловым и, как утверждает его сын, тщетно убеждал его после уничтожения турецкого флота вернуться с войсками в Пелопоннес⁴³. Между тем албан-

---

⁴⁰ Переписка графа Н. И. Панина с графом А. Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 254.

⁴¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 361.

⁴² АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 1983. Л. 13.

⁴³ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1797–1798. Д. 1686. Л. 18.

ские отряды овладели всем этим греческим краем, кроме Мани, где они встретили непреодолимое сопротивление свободолюбивых горцев.

Хотя восстание в Пелопоннесе и не возобновилось, многие пелопоннесцы продолжили сражаться в составе русского флота в Архипелаге. По некоторым данным, еще во время пребывания русских в Наварине из добровольцев – греков и албанцев – по распоряжению А. Г. Орлова было сформировано пять батальонов, в том числе батальоны мореотов и маньятов⁴⁴. А в феврале 1771 г. Стефанос Мавромихалис набрал еще 300 маньятов для службы в российском флоте⁴⁵. Греки-добровольцы плечом к плечу с русскими солдатами и моряками сражались во многих битвах. Из этих добровольцев, после окончания войны переселившихся в Россию, в 1783 г. было создано специальное воинское подразделение – Греческий полк, в 1797 г. преобразованный в Балаклавский батальон. Первым его командиром стал Стефанос Мавромихалис. Война 1768–1774 гг. тесно связала некоторые видные фамилии Пелопоннеса с Россией. В России образовалась своя ветвь капитанской семьи Мани – Мавромихали, которая установила связь с российским правительством еще накануне Архипелагской экспедиции А. Г. Орлова. Родоначальником этой ветви и стал Стефанос Мавромихалис.

Российские эмиссары обратили в свое время внимание и на другую влиятельную семью Пелопоннеса – Бенаки. Глава семьи Панайотис Бенакис и его сын Либерал оказали большую помощь русским военачальникам при подготовке и проведении операции в Пелопоннесе. В рекомендательном письме, данном в 1774 г. А. Г. Орловым Либералу Бенаки, говорилось, что он «вместе со своим отцом оказал для нас отменные услуги, как-то в набории людей, так и в постановлении провиантов для войск Ея Величества за что турки, злобствуя на него, разорили его дом, лишили всего имения, состоящего на полуострове Мореи и причинили как ему, так и всей его родне разные гонения...»⁴⁶. Русское правительство поддержало имущественные претензии семьи Бенаки к Порте, и ему удалось добиться частичного возвращения этой семье принадлежавшей ей огромной земельной собственности в Пелопоннесе. Сам же Либерал Бенаки был принят на русскую дипломатическую службу, а в 1783 г. назначен генеральным консулом на Корфу; эту должность он занимал до самой своей смерти в 1820 г.

Восстание 1770 г. стало важной вехой в истории борьбы Греции за национальное освобождение. Оно способствовало росту самосознания греков, ускорило формирование национально-освободительной идеологии. Освободительные устремления греков получили тогда широкую огласку благодаря публицистическому труду «Желания греков к Европе христианской». Автором этого произведения, опубликованного в нескольких европейских газетах, а также в приложении к настоящему труду, был участник Архипелагской экспедиции Антон Джика, по происхождению – православный албанец, по национальному самосознанию – грек. В этом обращении греческого патриота к Европе нашло отражение горячее стремление греков восстановить свою свободу и, одновременно, их опасения, что враждебность европейских правительств помешает России довести до конца войну с турками, которая, при участии восставших греков, должна была завершиться освобождением Греции.

Поражение восстания имело тяжкие последствия для населения Пелопоннеса. Эта богатая греческая провинция подверглась опустошению, многие ее жители стали жертвами насилия и террора со стороны отрядов албанских наемников, фактически оккупировавших Пелопоннес до 1779 г. Были разрушены многие города, до основания разорены поля. Спасая свою жизнь, тысячи мореотов укрылись в горах, бежали на острова и даже в Малую Азию. Убыль населения здесь в 1770–1779 гг. была весьма значительной. Как говорилось в одном из донесений 1780 г. А. С. Стахиева, российского посланника в Константинополе, Пелопоннес опу-

---

⁴⁴ К биографии графа А. Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. М., 1876. Кн. 2. С. 273.

⁴⁵ См.: Смелянская И. М., Велижев М. Б., Смелянская Е. Б. Указ. соч. С. 127.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1774. Д. 602. Л. 3.

стошен до такой степени, что «оставшееся там число жителей не в состоянии снимать на себя и до тридцати тысяч харачных билетов, кои до прошлой войны обыкновенно за семьдесят тысяч простирались»⁴⁷. Это говорит о резком падении численности греческого населения Пелопоннеса, так как «харачные билеты» представляли собою свидетельства об уплате харача – подушного налога, которым облагались только немусульмане.

Русско-турецкую войну завершил в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Договор этот, обеспечивший закрепление России на побережье Черного моря, имел огромное значение и для балканских народов, в частности греков. За Россией было признано право покровительства православному населению Османской империи. Порты вынуждена была предоставить амнистию всем участникам освободительного восстания в Греции. Согласно статье 17-ой договора острова Архипелага возвращались Порте, но за Россией признавалось право особого покровительства этим островам. Эта статья свидетельствовала о том, что приоритеты русской политики в Греции переместились с Пелопоннеса на Архипелаг. На это указывал и тот факт, что когда Россия, в соответствии с правом, полученным по Кючук-Кайнарджийскому договору, приступила к основанию своих консульств в Греции, то шесть из них были учреждены в Архипелаге и только одно – в Пелопоннесе⁴⁸. Война 1768–1774 гг. создала важные моральные и материальные предпосылки для расширения национально-освободительной борьбы греческого народа. У греков возросла вера в собственные силы; как писал в 1803 г. известный греческий просветитель и национальный идеолог Адамантиос Кораис, греки отныне убеждены в том, «что их угнетатели – это люди, которых можно побеждать, как они их побеждали рядом с русскими и что вполне возможно и самим им их побеждать, если ими будут руководить способные вожди»⁴⁹. Русское правительство и дипломатия продолжили и расширили покровительство грекам как в России, так и в Османской империи. В результате, несмотря на тяжкую катастрофу, постигшую Морею, широкие массы греческого народа по-прежнему с большой симпатией и надеждой смотрели в сторону России.

---

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1780. Д. 562. Л. 43.

⁴⁸ См. очерк о российских консульствах в Греции в настоящем издании.

⁴⁹ *Coray. Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce.* [Paris, 1803.] P. 22. Цит. по переводу: *Кораис А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

О Греческом проекте Екатерины II

Греческий проект Екатерины II, которым, к сожалению, серьезно почти не занималась историография⁵⁰, – это благодарная тема для специального большого исследования. В нашем труде мы хотели бы затронуть лишь ограниченный круг вопросов: источники возникновения Греческого проекта, политика российской императрицы по отношению к грекам в связи с проектом, его значение для борьбы за национальное освобождение Греции и русско-греческих связей.

Говоря о происхождении Греческого проекта, следует отметить, что он не был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят вглубь веков, основываясь на традициях российской внешней политики, на тесных политических, культурных, церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства. Первую заявку на византийское наследство Русь сделала еще в XV в. в результате женитьбы московского великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Зое (Софье) Палеолог.

В начале XVIII в. Россия вышла на мировую арену в качестве великой державы. Хотя основные планы и действия Петра Великого были сосредоточены на балтийском направлении, у него имелись грандиозные замыслы также на Ближнем Востоке и попытки, хотя и неудачные, привести их в исполнение (вспомним Прутский поход 1711 г.). Об этих планах Петра Екатерина II знала, причем не только из книг и документов, но и от авторитетного свидетеля – сподвижника царя-преобразователя фельдмаршала Б. К. Миниха, победителя турок при Ставучах. Миних был одним из немногих сановников, до последнего момента сохранявших верность Петру III. Несмотря на это, Екатерина II простила его, приблизила к своему двору и часто беседовала с ним. В один из дней рождения наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы, когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте возстановить христианскую греческую империю»⁵¹.

Считавшая себя продолжательницей петровских традиций в политике России, императрица с удовольствием слушала сподвижника Петра I – старого воина, скончавшегося впоследствии за год до начала первой русско-турецкой войны ее царствования.

С первых лет правления Екатерины II черноморско-балканское направление занимает важнейшее место в ее внешней политике. Стратегической целью императрицы было овладеть побережьем Черного моря, так же как Петр I завоевал для России побережье Балтики. Установление тесных связей с греками – естественными союзниками России в борьбе с Османской империей – рассматривалось как важное средство достижения этой цели.

---

⁵⁰ Назовем последние из известных нам исследований: *Маркова О. П.* Происхождение так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4; *Hösch E.* Das sogenannte «griechische Projekt» Katharins II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Wiesbaden, 1964. Bd. 12. H. 4; *Ragsdale H.* Evaluating the traditions of Russian aggression: Catherine II and the Greek Project // *Slavonic and East European Review*. L., 1988. Vol. 66. N 1; *Стегний П. В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // *Новая и новейшая история*. М., 2002. С. 104. Ряд материалов о Греческом проекте опубликован также в сборнике: *Век Екатерины II: Россия и Балканы*. М., 1998; и в коллективной монографии: *Век Екатерины II. Дела балканские*. М., 2000.

⁵¹ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III. Вып. 7. С. 100.

В ноябре 1768 г. началась русско-турецкая война, а в феврале 1770 г. эскадра адмирала Г. А. Спиридова, проделав долгий путь от Кронштадта, подошла к Пелопоннесу. Первое в истории появление русских кораблей у побережья Греции стало толчком к восстанию греческого населения, видевшего в русских солдатах и моряках своих освободителей. Из греческих добровольцев были сформированы под командованием русских офицеров «западный» и «восточный» легионы. Однако вследствие малочисленности и неорганизованности греко-русских отрядов операции сухопутных сил в Пелопоннесе закончились неудачей. Действия русских сил на море были более успешны. В Чесменском бою (26 июня (7 июля) 1770 г.) турецкий флот был разгромлен. Достойный вклад в эту победу внесли и греческие моряки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.